

**Из письма Ф. М. Достоевского А.Е. ВРАНГЕЛЮ от
23 марта 1856 года. Семипалатинск**

«Добрейший, незаменимый друг мой, Александр Егорович!.. Если бы Вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю Вашего письма как спасенья?.. Уведомляю Вас, что дела мои в положении чрезвычайном. La dame (la tièpne) (дама моя) грустит, отчаивается, больна поминутно, теряет веру в надежды мои, в устройстве судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого я еще не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же все ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу ее, — то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул... Письма ее последние ко мне во все последнее время становились все грустнее и тоскливее. Она писала под болезненным впечатлением: я знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня... И что ж? Вдруг слышу здезь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от нее письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более, чем всегда. Менее прежнего задушевных слов, как будто остерегаются их писать. Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: «Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и если б этот человек делал ей предложение — что ей ответить?» Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна, на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, — тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно...

...Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь... О, не дай господи этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить... Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная, ночью сны, вскрикиванья, горловые спазмы душат меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем...

Ваш Достоевский»